УДК 94(470.62)

Ратушняк Олег Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета
editor@hist-edu.ru

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ЭМИГРАЦИИ (1920 – 1939 гг.)

В статье исследуется жизнь кубанских казаков в эмиграции. Показаны численность, география расселения и условия их пребывания за рубежом. Анализируются основные проблемы, стоявшие перед кубанским зарубежьем в 1920-1939 гг.

Ключевые слова: **атаманы, зарубежье, казаки, казачество, Кубань, Лемнос, Русская армия, эмиграция.**

Ratushnyak Oleg Valerievich

PhD in History, Associate Professor of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Kuban State University
editor@hist-edu.ru

THE KUBAN COSSACKS IN EMIGRATION (1920-1939)

The article examines the life of the Kuban Cossacks in emigration. The population size of Cossacks, the geography of settlement and the conditions of their residence abroad are shown. The author analyses the main problems the Kuban émigré encountered in the 1920-1939s.

Key words: **atamans, émigré, the Cossacks, Kuban, Lemnos, Russian army, emigration.**

Основная масса кубанского казачества оказалась в эмиграции в результате крымской эвакуации, которая являлась одним из значительных эпизодов гражданской войны. Благодаря заранее составленному плану эвакуации и умелым действиям командиров, в Крыму не было такой паники, как в Новороссийске. Воинские части быстрыми переходами достигли портов назначения и спокойно погрузились на корабли. Затем были размещены гражданские лица, пожелавшие уехать вместе с Армией. Единственная заминка произошла в Феодосии, предназначенная для погрузки кубанских частей. Часть кубанцев не смогли погрузиться, так как их места были заняты гражданскими беженцами. Они отошли к Керчи, где разместились на судах вместе с донскими частями. Всего из Крыма выехало около 18 тыс. кубанских казаков. Большинство из них составляли строевые чины Русской армии.

По соглашению с французскими властями Кубанский корпус под командованием генерала М.А. Фостикова в количестве не менее 10-12 тыс. чел. был размещен на острове Лемнос (Греция). Холод, перебои со снабжением, болезни были постоянными спутниками казаков в течение первых месяцев пребывания на острове.

Небольшое разнообразие в жизнь Кубанского корпуса в конце 1920 г. внесли выборы Кубанского войскового атамана. В выборах приняли участие члены Кубанской краевой рады и выборные от войсковых частей. После ожесточенных споров в декабре 1920 г. на пост атамана Кубанского казачьего войска вместо сложившего с себя полномочия генерала Н.А. Букретова был избран генерал-майор В.Г. Науменко, находившийся в это время в Югославии.

14 января 1921 г. в Константинополе было заключено соглашение между войсковыми атаманами и председателями правительств Дона, Кубани и Терека об объединении своих действий в эмиграции. В тексте соглашения, в частности, говорилось, что «Дон, Кубань и Терек, сохраняя неприкосновенными свои конституции, по вопросам внешних сношений, военным, финансово-экономическим и обще-политическим действуют объединенно. Впредь до возвращения в свои края заботы об устройстве беженцев составляют также предмет объединенных действий». По данному соглашению в состав ОСДКТ вошли войсковые атаманы – генерал-лейтенант А.П. Богаевский (донской), генерал-майор В.Г. Науменко (кубанский), генерал-лейтенант Г.А. Вдовенко (терский) и председатели правительств: Дона – генерал-майор В.А. Апостолов, Кубани – Д.Е. Скобцов и Терека – Е.А. Букановский. Все внешние сношения, исходящие от ОСДКТ, согласно заключенному соглашению, должны были производиться «одним из атаманов по уполномочию Совета». Им был избран атаман ВВД А.П. Богаевский [1].

Для усиления внутренней дисциплины в начале марта во всех частях Лемносской группы Русской армии было приказано приступить к строевым занятиям. Устав от вынужденного безделья, многие казаки с охотой занимались строевой и физической подготовкой. Те же, кто был недоволен армейской муштрой, переходили в беженский лагерь или их переводили туда за внесение духа разложения в армейские части.

Летом на Лемносе появился кинематограф, который скрашивал жизнь казаков на острове. Другим развлечением казаков были футбольные матчи, проводившиеся между юнкерами Алексеевского (кубанского) и Атаманского (донского) военных училищ. Иногда казаки играли в футбол с

англичанами и французами, находившимися на острове по делам службы.

Значительную материальную помощь оказывал эмигрантам на Лемносе американский Красный Крест. Им было взято шефство над двумя лазаретами на 800 чел. и детским общежитием на 100 мест. Кроме того, американский Красный Крест выделил палатки и инструменты, с помощью которых Земсоюз открыл на Лемносе читальню и мастерские: сапожные, швейные, жестяные, слесарно-плотнические и кузнечные. С наступлением весны на берегу моря был создан санаторий (на 40 коек) для легочных больных. Американский Красный Крест поставил ему два полностью оборудованных медицинских кабинета, различные медицинские инструменты, а также скатерти, столовые приборы, салфетки и т.п. Помимо этого, Красный Крест США взял на себя обеспечение питания пациентов санатория [2].

Несмотря на оказываемую гуманитарную помощь, жизнь на острове становилась для казаков с каждым днем все более и более тягостной. Гнетущее впечатление произвел на казаков приказ командующего французскими войсками генерала Бруссо от 25 марта 1921 г., который был объявлен по всем частям. В нем, в частности, говорилось, что правительство Франции решило прекратить в кратчайший срок кредит на содержание русских беженцев. Казакам предлагалось выбрать дальнейшие способы своего существования: первый – возвратиться в Советскую Россию, второй – выехать в Бразилию на земледельческие работы и третий – самим обеспечить свое содержание [3]. Этот приказ находился в русле всей французской политики по отношению к эмигрантам из России, целью которой являлось как можно более быстрое рассредоточение огромной беженской массы, прибывшей из Крыма, и определение ее в различных странах на постоянное местожительство. Французы исходили, прежде всего, из накладности для себя содержать стопятидесятитысячную армию беженцев и того факта, что, оставшись без субсидий на содержание, Русская армия, сконцентрированная в одном месте, может представить большую угрозу на Балканах. В то же время, исходя из этой опасности и боясь анархии, французы были заинтересованы в том, чтобы русское командование сохранило известный авторитет для помощи французам в поддержании порядка и дисциплины.

Часть казаков, поддавшись на агитацию французов, вернулись в Советскую Россию. Однако большинство избрали жизнь эмигрантов. С мая по сентябрь 1921 г. с Лемноса более 4 тыс. кубанских казаков были перемещены в Сербию, около 1,5 тыс. кубанцев переехали в Болгарию, остальные разъехались по другим странам [4]. На Лемносе остались только казачьи могилы и память местного населения о казаках.

Первоначально большинство кубанцев находились в Сербии. Кубанцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) к началу 1922 г. насчитывалось более 6 тыс. чел. Из них, около 5 тыс. находились в составе кубанской казачьей дивизии, состоявшей из трех казачьих полков, лейб-гвардии кубанского дивизиона и технического кубанского полка (позже сокращенного в батальон). 1-й и 2-й кубанские полки работали на постройке шоссе в районе г. Вранье (Сербия), а 3-й кубанский полк и кубанский технический полк – на постройке железной дороги в районе г. Ниш (Сербия). Лейб-гвардии кубанский дивизион около года нес службу на югославо-венгерской границе, а затем был занят на различного рода государственных работах [5].

На территории КСХС казаки (в большинстве своем) в составе организованных групп работали на государственных работах. Казаки были заняты на постройке шоссе Карбевац – Босильград, шоссе Белград – Младеновац, постройке железных дорог в районах г. Бихач, Топчидер – Мала Крона, Ормож – Лютомер и Велес – Штип. Кроме того, некоторые казачьи подразделения работали на свеклосахарном заводе в г. Белый Монастырь и лесопильном заводе в местечке Белиште (Славония). Часть казаков (в основном офицеры) устроилась на службу в королевскую жандармерию и полицию. Через два года некоторые группы сменили места работ (вследствие их окончания). Так, летом 1926 г. казаков можно было увидеть на химическом заводе в Суботице, на рудниках в Кленовнике и Майдан-Пеке, на постройке артиллерийских мастерских в Крагуеваце, на постройке городской больницы в Прокупле. Кроме того, заметив большую трудоспособность и добросовестность казаков, министерство строительства железных дорог оставило некоторые группы на работах по их обслуживанию [6].

В КСХС, как и во многих других странах, они организовывали хутора и станицы. Помимо этого, распоряжением кубанского войскового атамана В.Г. Науменко в 1930 г. была назначена комиссия под председательством генерала С.П. Звягинцева для устройства в Белграде Казачьего дома. По замыслу его организаторов в нем должны были размещаться канцелярия кубанского атамана, музей Кубанского казачьего войска и библиотека. При Доме планировался приют для престарелых и утративших работоспособность казаков [7].

Хотя король и правительство КСХС всячески заботились о российских эмигрантах (в том

числе и о казаках) в стране наблюдался некоторый отток части российской эмиграции. Уезжали в основном во Францию, что было связано, в первую очередь, с более высокой заработной платой и лучшими бытовыми условиями в данной стране. Но наблюдались переезды и на американский континент. Так, в 1929 г. часть кубанцев выехала на работы в Перу. Можно назвать две основные причины отъезда. Во-первых, уезжали казаки, надеющиеся на лучшие материальные условия, или, рассчитывая получить в странах Южной Америки землю и осесть на ней самостоятельными хозяевами. Во-вторых, уезжали те, кто был не согласен с политикой, проводившейся П.Н. Врангелем и его окружением.

Организацией перевозки и размещения беженцев занимались не только генерал П.Н. Врангель и атаман В.Г. Науменко, но и ряд общественных организаций. Так, созданный в 1921 г. Общеказачий сельскохозяйственный союз (ОСХС) сделал попытку наладить перевозку казаков в Чехословацкую Республику (ЧСР). Чехословакия в это время была буржуазной республикой, где довольно значительную роль играли социалистические партии различных оттенков, что особенно привлекало руководство ОСХС, придерживавшееся эсеровских взглядов. К тому же страна не была так переполнена беженцами, как соседние Болгария и КСХС.

В начале июня 1921 г. из Праги было получено уведомление от председателя правления ОСХС С.В. Маракуева о полученном от правительства ЧСР разрешении на въезд в республику 200 казаков-членов союза. Уже 20 июня в Братиславу прибыли первые 80 чел. После двухнедельного карантина они были определены на различные работы. Всего в Чехословакию было переправлено около 3 тыс. казаков. В зимний период из-за отсутствия сельскохозяйственных работ эмиграция остальных казаков была временно прекращена [8].

Однако не все приехавшие в ЧСР казаки смогли устроиться на работу. В конце 1921 г. страна вступила в полосу экономического кризиса. Резкий спад промышленного производства вызвал массовую безработицу в стране. Однако и в годы кризиса в страну легально и нелегально проникали российские эмигранты (в том числе и казаки) и в основном для продолжения или получения образования в стране, правительство которой всячески их в этом поддерживало. Оказывалась самая широкая материальная поддержка различным эмигрантским организациям, учреждениям и учебным заведениям, готовящим кадры для «будущей России» (русский юридический факультет, педагогический и кооперативный институты, автомобильно-тракторная школа, разного рода кабинеты по изучению России и т.п.).

В 1921 г. в чехословацкой столице появились первые казаки-студенты. К 1923 г. в Праге, Брно и других городах Чехословакии образуются различные объединения казаков-студентов. В декабре 1923 г. сбор представителей всех казачьих студенческих организаций в ЧСР принял постановление об объединении имевшихся в республике казачьих студенческих союзов, хуторов, землячеств в единую общеказачью студенческую организацию – Общеказачью студенческую станицу. В нее входили подразделения-хутора: Пражский, Брненский, Братиславский и Пшибрамский. Всего в станице состояло более 300 чел. После утверждения устава чехословацким правительством станица получила статус юридического лица. Казаки-студенты пользовались постоянной материальной поддержкой со стороны чехословацкого правительства и чехословацкого Красного Креста.

Помимо студенческой станицы, 1 июня 1928 г. в Праге была образована Общеказачья станица в ЧСР. Ее основными задачами были: взаимная работа по улучшению материального положения казаков – членов станицы, а также повышение их культурного уровня и взаимная моральная поддержка.

В Чехословакии существовала и организация, объединявшая только кубанских казаков – Общество кубанцев в ЧСР. Общество кубанцев при содействии чехословацкого правительства оказывало поддержку, в том числе и материальную, многим казакам, желавшим закончить высшие и средние учебные заведения. Благодаря его поддержке около 300 казаков получили дипломы инженеров, врачей, экономистов и др.

Казаки составляли более 80% российских эмигрантов, работавших в сельском хозяйстве ЧСР в основном в качестве наемных рабочих. Невозможность для некоторых эмигрантов (находившихся в глухих местах ЧСР) поддерживать между собой живую связь приводила к постепенной ассимиляции их. По-видимому, с целью избежать ассимиляции, а также для поддержания за рубежом своих обычаев и традиций в середине 1920-х гг. в Праге было основано Общество по изучению казачества. Согласно его уставу, «всестороннее изучение казачества» заключалось: «1) в обработке библиографических материалов по всем вопросам, касающимся изучения казачества; 2) выполнении разного рода коллективных работ и выпуске научных изданий; 3) в устройстве заседаний для заслушивания и обсуждения научных докладов; 4) устройстве культурно-национальных

вечеров, лекций, экскурсий, концертов, выставок» [9].

Определенное количество кубанцев оказались в Финляндии, Германии и Польше. В Финляндии, как известно, находились казаки, принимавшие участие в Кронштадтском восстании, а также уцелевшие бойцы армий генералов Миллера и Юденича. Часть их после объявления амнистии вернулась в Россию. Оставшиеся в Финляндии первое время были размещены в нескольких лагерях. Однако уже в течении 1921 г. многие из них нашли себе работу. В основном они нанимались в качестве наемных работников к местным фермерам. Причем до 1923 г. действовало распоряжение финского правительства, запрещавшее эмигрантам самовольно менять место работы. Некоторые казаки устроились на государственные и частные предприятия. При этом финские законы в отношении рабочих были распространены и на эмигрантов. «Официально все работали шесть дней в неделю по восемь часов в сутки. Сверхурочная работа оплачивалась так: за первые два часа полуторная оплата и со следующих дополнительных часов – двойная. По воскресеньям и в другие праздничные дни сразу же платили вдвойне» [10].

В 1923 г. кубанцы, проживавшие в Фридрихсгамме, организовали хутор. На следующий год он был переименован в кубанско-финляндскую казачью станицу. Во главе ее стал кубанский казак полковник Ф.И. Елисеев. При станице был организован казачий хор. Его созданию способствовал владелец лесопильного завода в Финляндии К.К. Аладьин. Однако, несмотря на хорошие заработки большинства казаков и лояльное отношение финского правительства к эмигрантам, многие казаки пытались перебраться в КСХС, где была размещена основная масса кубанских казаков, или во Францию, становившуюся Меккой российской эмиграции.

В конце октября 1924 г., кубанско-финляндская казачья станица фактически в полном составе (47 кубанских казаков и 3 женщины) переехала во Францию [11]. Постепенно Финляндию, как и Румынию, покинуло большинство казаков. Исключением были лишь некоторые молодые казаки, женившиеся на местных девушках и осевшие в стране.

Небольшое количество кубанских казаков оказалось в Германии. Преимущественно это были пленные первой мировой войны или участники советско-польской войны. Начиная с ноября 1920 г., большинство их, по соглашению с германским правительством, небольшими партиями (по 2–3 тыс. чел.) было возвращено на родину. Нежелавшие возвращаться оставались в германских лагерях. В середине июня 1921 г. большинство казаков было переведено в лагерь Лихтенгорст, где они жили в бараках и работали, в основном на добыче торфа. Здесь были организованы духовой и струнный оркестры и театр. Один из бараков был перестроен в церковь. По свидетельству очевидцев она считалась «одной из лучших православных церквей, находящихся в Германии». Летом 1922 г., по распоряжению германского правительства большинство лагерей для военнопленных и интернированных было закрыто. Казаки расселились по всей Германии или выехали в соседние государства.

Тяжелым было положение казаков в Польше. В основном это были участники советско-польской войны, которые, не желая воевать за советскую власть, целыми частями и в одиночку переходили на сторону поляков. Первоначально, как и в других странах, казаки находились в лагерях для военнопленных, интернированных и беженцев. К концу 1920 г. почти все казаки покинули лагеря и устроились на различного рода работы. Некоторые из них вернулись в Советскую Россию. Учитывая, что в Польше, как и в Германии, Румынии и Финляндии, казаки были как бы изолированы от своих атаманов и станичников, многие из них пытались выехать в Болгарию, Югославию и Францию, а желающие получить или продолжить свое образование – в ЧСР. Вот как описывает причину настроений казаков в Польше один из участников тех событий: «Русская армия в Галлиполи и казаки на Лемносе имели защитников своих интересов во всех государствах, где были их представители. Там были высший военный генералитет, политические деятели, литераторы, писатели и так далее, вся русская интеллигенция. В Польше – никого. И в этом была вся тяжесть пребывания в лагерях» [12].

В Грузии казаки находились около одного года. Оказавшись на Черноморском побережье Кавказа перед угрозой плена, часть казаков, решив не складывать оружия или просто опасаясь репрессий со стороны большевиков, перешла грузинскую границу. Впоследствии одни из них перебрались из Грузии в Турцию, Грецию и Балканские государства, другие – в Крым, к генералу Врангелю, а третьи с оружием в руках переходили границу в обратном направлении, чтобы продолжить борьбу с большевиками в составе бело-зеленых отрядов.

К лету 1920 г. в Грузии осталось не более 800 казаков (в основном кубанцы). Ими была предпринята неудавшаяся попытка создать Совет революционно-демократических организаций народов Северного Кавказа.

В Грузии было создано Общество помощи кубанским эмигрантам с целью «облегчить мате-

риальное и духовное существование кубанских эмигрантов и их семейств, находящихся в республике Грузии, путем организации собственных торгово-промышленных, транспортных предприятий и рабочих артелей, посредничеством в доле найма на работу беженцев-эмигрантов, устройством общежитий и питательных пунктов, а также всеми другими доступными обществу и непротиворечащими законам республики Грузии путями и средствами». По уставу в Общество могли «приниматься все правоспособные лица, изъявившие желание работать в достижении поставленных обществом задач» [13].

Но возникли новые проблемы. 16 февраля 1921 г. в Шулаверах (район Лори) был образован Революционный комитет, объявивший Грузию советской социалистической республикой. На помощь повстанцам советским правительством были направлены войска Красной Армии. В этой атмосфере гражданской войны в Грузии 17 февраля 1921 г. постановлением президиума Краевой рады был образован Комитет освобождения Кубани (КОК). Председателем его был избран И.П. Тимошенко. Учитывая, что КОК по соглашению с Комитетом освобождения Терека брал на себя защиту интересов не только населения Кубани, но и Терека, в состав КОК были введены представители терского казачества. Основную свою задачу члены Комитета видели в освобождении территории Кубани и Терека от власти большевиков и создании независимой Кубанской демократической республики. Учитывая опыт, полученный в ходе революции и Гражданской войны, и понимая, что невойсковое население составляет большинство Кубанской области, предполагалось полное уравнение всех граждан Кубанской республики (казаков, иногородних, горцев) в гражданских правах и пользовании землей. Не исключалась возможность вхождения Кубанской республики в конфедеративную и федеративную связь с соседними государственными новообразованиями, признающими Кубанскую республику. В отношении Центральной России предполагалось установление отношений на федеративной основе, при условии образования в ней власти «на началах истинного народоправства». Решая поставленные задачи, КОК полностью отвергал «всякое сотрудничество и связь с идеями, вождями и организациями типа Добрармии, Колчака и Врангеля». Однако, отвергая борьбу с советской властью во всероссийском масштабе и «считая, что это дело и задача населения самой Центральной России», члены Комитета не исключали оказание содействия (кроме вооруженного вмешательства) организации антибольшевистских демократических сил внутри России [14].

21 февраля 1921 г. меньшевистское правительство Грузинской республики в обстановке разгоравшейся гражданской войны, в поисках любой поддержки, официально признало КОК и одобрило его деятельность. Сложное политическое положение, создавшееся в Грузии, обострившееся продвижением советских войск в сторону Тифлиса, требовало от лидеров КОК решительных действий. На следующий день после своего официального признания Комитет выпустил обращение к грузинскому правительству. В нем говорилось, что кубанцы и терцы, объединенные в КОК, благодарят грузинский народ за оказанное им гостеприимство и вместе с ним вступают в борьбу с «общим врагом ... поднимая снова знамя вооруженной борьбы за свободу народов и демократии» [15]. По мнению руководителей КОК, участие кубанцев в защите Грузии от большевистских войск должно было перерасти в борьбу за освобождение Кубани. С этой целью при Комитете организуется Кубанский отряд. Он состоял из двух кубанских сотен и отдельного терского взвода. В первой половине марта 1921 г. Кубанский отряд (210 чел.) в составе грузинских войск принимал активное участие в борьбе со стремительно наступающими советскими войсками, но уже 11 марта члены КОК в Батуми обсуждали вопрос об эвакуации из Грузии. Было решено перевести Кубанский отряд на «мирное положение, оставляя его спаянной организацией» [16]. Во второй половине марта 1921 г. многие казаки были эвакуированы из Грузии (большинство – в Турцию).

Многие казаки-эмигранты первоначально находились в военных лагерях или лагерях для интернированных лиц: Тухоль (Польша), Форт Ино (Финляндия), Калоераки (Греция) и др. Все эти лагеря объединяла бытовая неустроенность, плохое питание и ограничение в передвижении за их пределами. Со временем казаки получили возможность уйти «на собственные хлеба» и покинули лагеря. Дольше всех существовали лагеря в Польше и Румынии, что объяснялось государственной политикой. Но и уходя «на собственные хлеба», казаки старались не терять связи друг с другом. Та часть казачества, которая осталась в рядах своих воинских подразделений, даже после перехода их на беженское положение, старалась найти такую работу, где могли бы работать все воинские чины данной части. В составе своих частей казаки работали в Югославии на прокладке шоссейных и железных дорог, строительстве мостов, в Болгарии – на угольных шахтах. Отдельные казачьи подразделения в Болгарии, Югославии и т. д. устраивались на заводы и фабрики. Жить пытались компактно. Питание во многих частях было «котловое» (общее, с одного котла). На довольствии стояли не только воинские чины, но и их жены и дети. При частях создавались кассы

взаимопомощи. Кроме того, около 300 кубанцев, разместившихся в Югославии, несли пограничную службу на границе с Албанией. За годы Гражданской войны и эмиграции многие казаки настолько сблизились со своей частью и сослуживцами, что, даже, покинув по каким-либо причинам подразделение, старались по мере возможности поддерживать с ним хоть какую-нибудь связь.

Укрепляли связи между собой и казаки, порвавшие с армией. Бывшие станичники, однополчане вели переписку. В местах компактного проживания казаки создавали станицы и хутора, которые способствовали их общению, взаимопомощи и сохранению казачьих обычаев, обрядов и культуры вдалеке от своей родины. Основными задачами данных организаций являлись: юридическая и медицинская помощь, забота об инвалидах, одиноких женщинах, детях и безработных, отстаивание интересов казаков за границей и удовлетворение их культурных и бытовых потребностей.

В местах наибольшего сосредоточения казаков кубанцы создавали свои отдельные кубанские станицы и хутора, но чаще это были общеказачьи объединения. Кроме того, кубанские станицы, согласно постановлению Кубанской рады, могли включать в себя всех жителей Кубани – как казаков, так и неказаков. А в кубанской станице в Париже, в которую входили казаки, горцы и иногородние, был еще и почетный казак – лейтенант французских войск Р. Пирц. Иногда станицы и хутора образовывались по профессиональному признаку. Таковы различные объединения казаков-студентов. Например, общеказачья студенческая станица в Праге или казачий студенческий хутор при Софийской станице.

Большинство казаков-эмигрантов, не имевших постоянного места работы, весной собирались в артели и нанимались на сельскохозяйственные работы; за летний сезон успевали поднакопить некоторую сумму денег и к осени начинали подыскивать постоянное место жительства, где можно было бы перезимовать на заработанные летом деньги. А весной опять отправлялись на сельскохозяйственные работы. Процент открывших свое дело, «крепко ставших на ноги» или хотя бы получивших хорошо оплачиваемую постоянную работу по своей специальности среди казаков эмигрантов был чрезвычайно низок. Жизнь большинства казаков была полна забот и лишений.

Часть казаков вернулись в Советскую Россию. В течение 1921 г. на родину из Турции и о. Лемнос выехали 3 270 кубанских казаков [17]. Более 1 300 кубанцев вернулись домой при содействии Союза возвращению на родину, ведшим свою деятельность до 1923 г. В последующие годы еще некоторое количество кубанцев возвратились в СССР [18]. В целом к 1929 г. за рубежом находилось около 11-12 тыс. кубанских казаков.

Согласно статистическим данным о кубанцах на 1923 г., 93% кубанской диаспоры составляли мужчины, 4% – женщины и 3% – дети в возрасте до 16 лет. 55% казаков-эмигрантов было в возрасте от 20 до 30 лет и 25% – от 30 до 40 лет [19]. Примерно такая же картина наблюдалась у донцов. Если при этом учесть, что во время репатриации 1921–1924 гг. на родину возвращались в основном старики и казаки, чьи семьи остались в России, то процент мужчин в возрасте от 20 до 30 лет окажется еще более высоким. Российская эмиграция в целом, по-видимому, не была такой молодой. Возрастной состав казачьей диаспоры облегчал адаптацию ее представителей за рубежом.

Низкий образовательный уровень казаков (около 75% имело низшее образование) и привычка к сельскому и вообще тяжелому физическому труду также способствовали более безболезненной адаптации казаков за рубежом. Они охотно брались за любую работу и выполняли (стремясь заработать больше денег) ее так, что в некоторых отраслях сельского хозяйства казаки высоко ценились во многих странах. В частности, безработных среди кубанцев в 1923 г. было всего 3%, а 71% казаков трудились в качестве вольнонаемных рабочих [20].

За границей были и представители казачьей интеллигенции. Многие казаки в эмиграции стремились получить или завершить свое образование. Так, из членов Общеказачьего сельскохозяйственного союза, 90% казаков, имеющих высшее образование, получили его в эмиграции [21]. Центрами казачьей интеллигенции были Белград, Варшава, Париж, Прага и София. Особое место в этом отношении занимала Прага, где были созданы: Общество изучения казачества, Общество кубанских журналистов и писателей, Общество кубанцев в ЧСР и многие другие организации и общества.

С 1921 г. и до своей смерти в 1936 г. в Праге проживал известный кубанский историк и экономист Ф.А. Щербина. Он вел активную научную и общественную деятельность, был избран действительным членом 12 российских (в основном казачьих) эмигрантских организаций. При его активном содействии в Подебрадах была основана Украинская сельскохозяйственная академия. Помимо научной и общественной деятельности Ф.А. Щербина находил время и для литературных занятий. В эти годы он написал поэмы «Черноморцы» и «Богдан Хмельницкий».

Среди казаков было немало талантливых писателей и поэтов, таких как Г. Щавель, А. Пи-

вень, В. Курганский. Большинство литературных произведений казаков-эмигрантов пронизывала тоска по Родине и вера в возвращение домой. В публицистических произведениях часто затрагивались вопросы положения казачества на родине и в эмиграции, причины поражения в Гражданской войне, поиска казачьей интеллигенцией своего (казачьего) пути в сложившихся условиях. Многочисленные журналы и газеты определенную долю материалов отводили публикации литературно-художественных и исторических произведений. В Праге издавался литературный и общественно-научный ежемесячник «Казаки», а в Париже выходил историко-литературный сборник «Кубанская старина и современность». Правда, в произведениях начинающих казачьих писателей иногда сказывался недостаток профессионализма. Это подмечали критики в среде самого казачества. Творческая интеллигенция с помощью печатных изданий стремилась поддерживать национальное самосознание казаков, которое в отрыве от родины постепенно начинало гаснуть. «Слабая культурно-просветительская работа между казаками, находящимися в глухих деревнях, некрепкая связь с ними дает свои плоды, – отмечал журнал “Казачья земля”, – у некоторых заметны признаки начавшейся ассимиляции с местным населением» [22].

Почти 90% казаков-эмигрантов составляли мужчины, многие из которых были холостыми. Они оседали за границей, женившись на местных уроженках, постепенно утрачивали свои традиции, перенимали местные обычаи. Особенно быстрый процесс ассимиляции наблюдался в Болгарии, Чехословакии и Польше, славянское население, которых было наиболее близким к казакам в культурно-бытовом отношении.

Различного рода культурные организации и общества взаимопомощи казаков-эмигрантов стремились противодействовать процессу ассимиляции. В частности, целью созданного в Чехословакии в 1921 г. Общества кубанцев была «организация взаимопомощи кубанцев, проживающих в пределах ЧСР и состоящих членами общества, на почве трудовых и культурных интересов» [23]. Для достижения поставленной цели предполагалось устройство библиотек, общеобразовательных курсов и школ, издание книг и брошюр, проведение культурных вечеров. Подобные вечера проводились в основном в праздничные и воскресные дни на квартирах казаков, в казармах казачьих полков, в ресторанах и в помещениях, принадлежащих различным казачьим организациям, с целью отдохнуть в кругу своих соотечественников, послушать родные казачьи песни, поделиться друг с другом своими переживаниями, иногда для благотворительных сборов.

Вообще традиция проведения различного рода культурных вечеров была характерна для всей российской эмиграции, но казачество придавало ей особенный колорит. Вот как описывает подобные встречи казаков-эмигрантов профессор Гарримановского института Дж. Хазард: «Долгое время казаки собирались в определенном районе Нью-Йорка на свои праздники, ежегодные собрания. Мужчины – в традиционной форме и с холодным оружием, женщины – в национальных одеждах, с красивыми прическами. Их песни и танцы вызывали искреннее восхищение американцев» [24].

В немалой степени консервации самосознания казаков в эмиграции должны были способствовать сохранение и распространение знаний об их историческом прошлом. Такого рода задача стояла перед Исторической комиссией ККВ, целью которой было собирание и публикация материалов и документов, касающихся жизни казаков за рубежом, а также по истории Кубани.

Историческая комиссия ККВ была образована в 1936 г., ее председателем стал кубанский атаман В.Г. Науменко. Основной задачей Комиссии являлось собирание материалов по истории ККВ и Кубани.

Большую роль в сохранении национального самосознания эмигрантов играла церковь. Православие связывало их с родиной. И не случайно, куда бы ни забрасывала судьба казаков, всюду создавались церкви или часовни. Многие казаки с удовольствием пели в церковных хорах. Причем в Болгарии, Греции и других странах многие местные жители приходили послушать и посмотреть церковную службу в казачьих церквах. В целом православие оставалось неотъемлемой частью культуры и быта казачества за рубежом.

Говоря о культуре казачьего зарубежья, нельзя пройти мимо такого самобытного явления, как знаменитые казачьи хоры. Некоторые профессиональные коллективы были известны практически во всем мире. В первой половине 1920-х гг. получил широкую известность кубанский хор под руководством Г. Таранца, в состав которого входили и несколько танцоров, вызывавших своими выступлениями бурю восторга у европейской публики.

Составной частью культуры казачества являлась джигитовка. Особую известность получили группы кубанских джигитов под руководством генерала И.Д. Павличенко и есаула И.Н. Сиволобова. Джигитовка и казачьи песни явились открытием для западной публики. Впоследствии казаки чаще стали создавать смешанные группы, что давало возможность познакомить западного зрите-

ля сразу со всем спектром казачьей самобытной культуры. Так, в состав группы сотника С.И. Проценко входило 50 джигитов, 35 певцов, 30 музыкантов и 5 танцоров [25].

Среди казаков-эмигрантов было немало художников, скульпторов, актеров, ученых и многих других деятелей культуры и науки, внесших свой вклад в культуру зарубежных стран и российской эмиграции. При этом представители кубанской казачьей диаспоры пытались сохранить свои культурно-бытовые традиции, имевшие особенный и неповторимый колорит, во многом отличный от культуры общероссийской эмиграции. И особое внимание казаки уделяли своим историческим корням, своему историческому прошлому.

Таким образом, для кубанского казачества за рубежом были, с одной стороны, характерны многие черты, присущие общероссийской эмиграции в целом, с другой стороны, казаков отличала своя самобытность, которая позволяет говорить о них как о самостоятельном явлении исторического процесса. Расколовшись по политическим мотивам на различные течения, общества, организации, кубанские казаки сумели в тоже время сохранить себя как некую целостность со своими традициями, обычаями, своей культурой и мировосприятием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6461. Оп. 1. Д. 274. Л. 2.
2. Там же. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 551. Л. 38-40.
3. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920-1922 гг. Белград, 1924.
4. Там же.
5. Контрреволюционные русские политические группы за рубежом и на территории Советской России: Состояние, организация и деятельность: Периодический обзор Разведуправления РККА с 1 апреля по 1 июля 1922 г. М., 1922.
6. ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 20. Л. 10, 89; Там же. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 6. Л. 5а.
7. Кубанская старина и современность. Париж, 1931. № 31.
8. Более подробно см.: *Ратушняк О.В.* Общеказачий сельскохозяйственный союз: образование, цели и задачи, деятельность (1921-1923 гг.) // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994.
9. ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 196. Л. 1.
10. *Солодухин Г.* Жизнь и судьба одного казака. Нью-Йорк, 1962.
11. Там же.
12. ГАРФ. Ф. 6899. Оп. 1. Д. 18. Л. 25.
13. Там же. Ф. 6869. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
14. Там же. Ф. 6689. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
15. Там же. Д. 30. Л. 2.
16. Там же. Д. 17. Л. 26; Д. 9. Л. 11.
17. Казаки в Чаталдже и на Лемносе ...
18. *Падалкин А.* Сколько донских казаков в эмиграции? // Станица. Париж, 1935. № 16.
19. Казачьи думы. София, 1923. № 16.
20. Там же. С. 21.
21. ГАРФ. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 209. Л. 23-24.
22. Казачья земля. Прага, 1929. № 2.
23. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 879. Л. 1.
24. Казачьи вести. Краснодар, 1995. № 9.
25. *Солодухин Г.* Указ. соч.